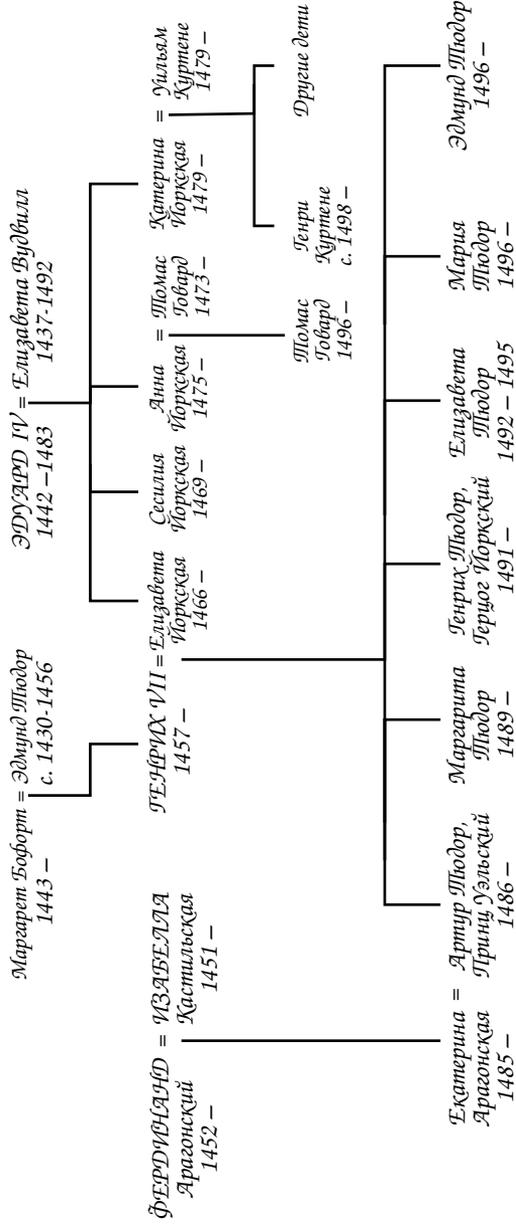

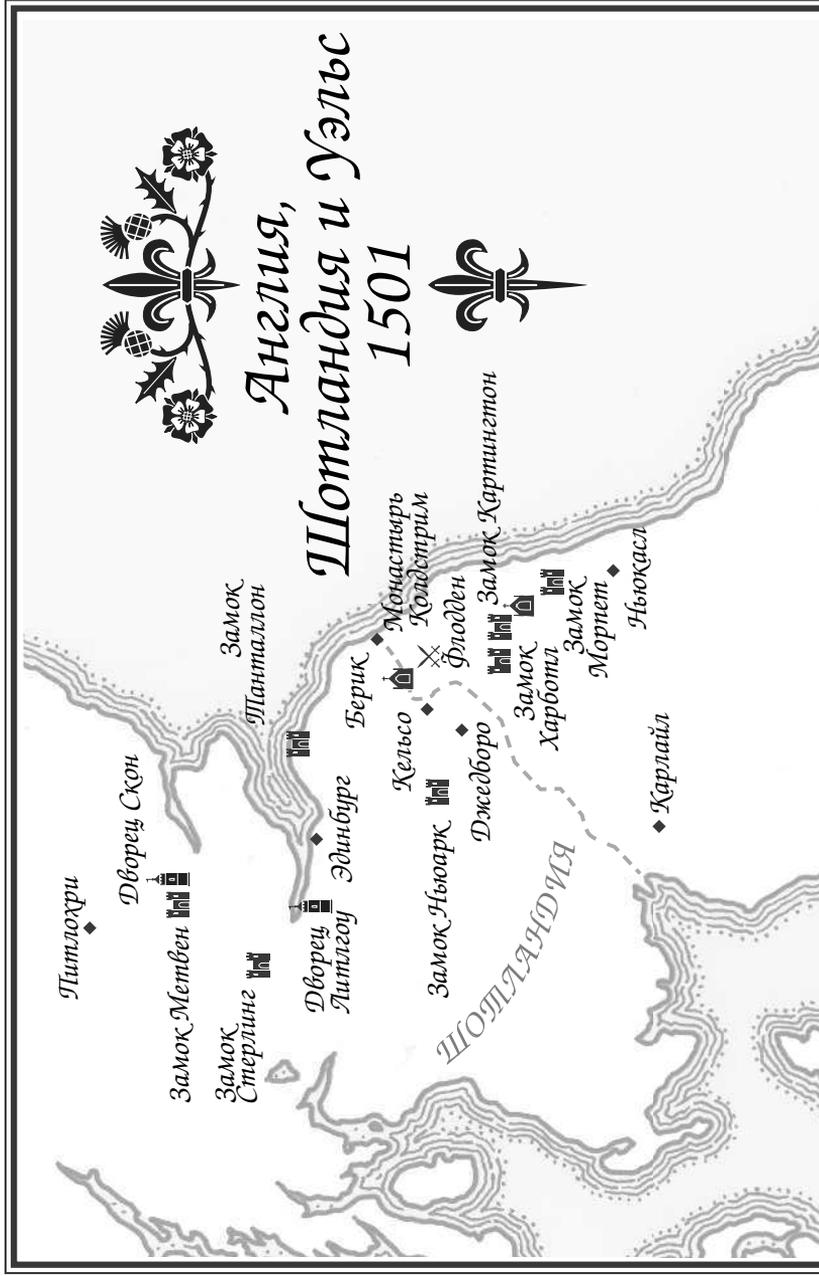

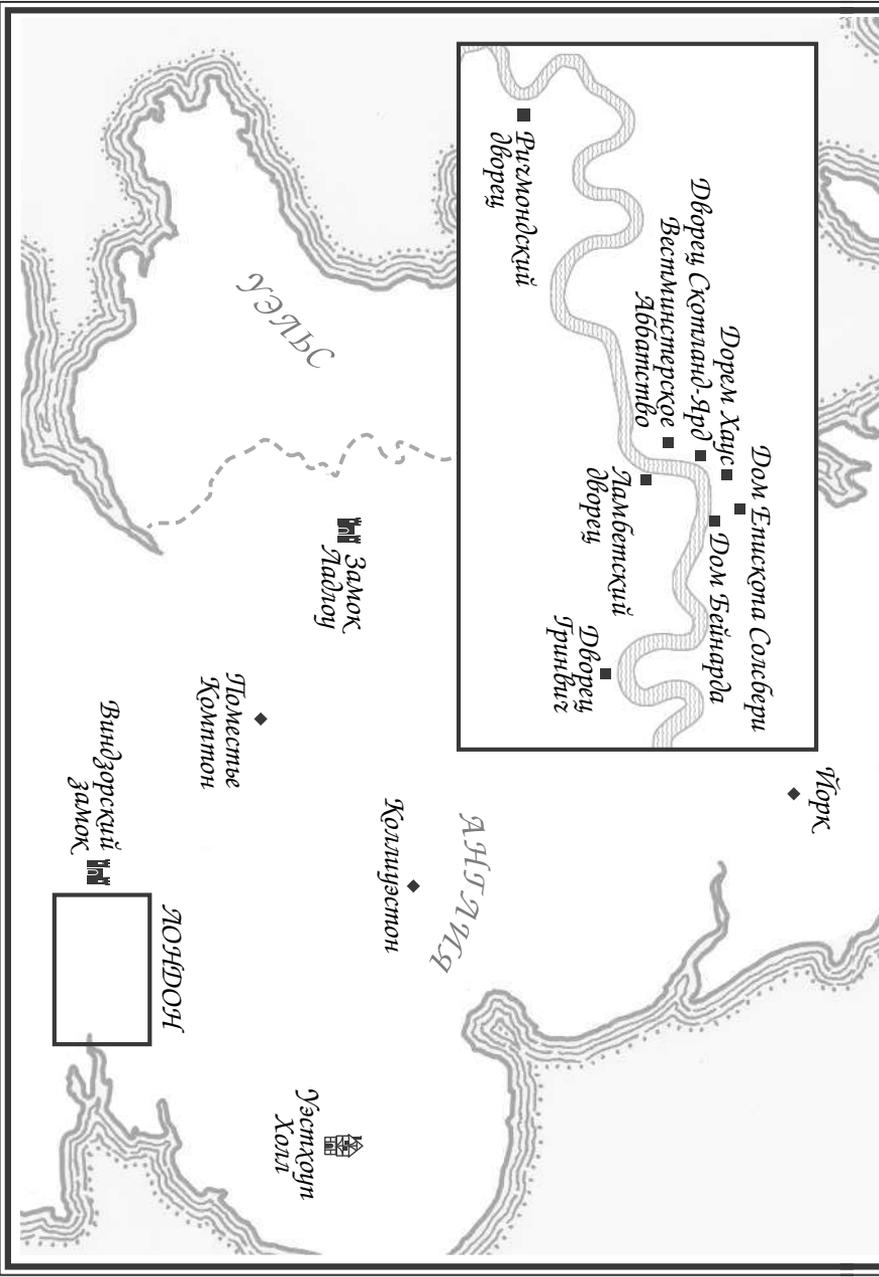
Дом Льюдоров, 1501

Англия, Шотландия и Уэльс 1501

Замок Бейнардс,
Лондон, ноябрь 1501

Я должна быть одета в белое и зеленое — как и полагается принцессе рода Тюдор. Я действительно считаю себя настоящей и единственной принцессой Тюдор, потому что моя сестра, Мария, еще слишком мала, чтобы появляться за столом к обедам и ужинам. Нянькам Марии я велела непременно показать ее нашей новой родственнице и только потом унести малышку в детскую. Нет никакого смысла усаживать ее за стол и позволять объедаться засахаренными фруктами. От тяжелой пищи у нее болит живот, а от усталости она начинает громко плакать. Ей всего пять лет, и ей еще рано присутствовать на подобных торжествах. А вот я — совсем другое дело, мне уже почти двенадцать. У меня есть своя роль в венчании, и без меня церемония будет неполной. Так сказала сама миледи, мать короля. Она, правда, говорила сама с собой и после тех слов добавила что-то еще, чего я не расслышала, но я точно знаю, что лорды Шотландии будут наблюдать за мной с пристальным вниманием, они должны убедиться, что я здорова и выросла достаточно, чтобы в скором времени вступить в брак. Я-то знаю, что я уже взрослая.

Все говорят, что я прехорошенькая, ладная, как уэльский пони, крепкая, как сельская молочница, и светлокожая и светлоглазая, как и мой младший брат Гарри.

— Ты следующая, — сказала она мне с улыбкой. — Говорят, что за звоном одной свадьбой всегда слышен звон следующей.

— Мне не придется уезжать так далеко, как принцессе Екатерине, — ответила ей я. — И я буду возвращаться домой с визитами.

— Конечно, будешь. — Слова бабушки звучали как обещание. — Ты выйдешь замуж за нашего соседа, и этот союз превратит его в доброго друга и союзника.

Принцессе Екатерине пришлось ехать издалека, из самой Испании, а из-за того, что у нас с Францией были не самые дружественные отношения, ей пришлось добираться морем, которое сейчас часто штормит. Ее корабль чуть не пошел ко дну. Я отправлюсь в Шотландию, чтобы стать королевой — женой короля, в большой торжественной процессии, от Вестминстера до Эдинбурга, а это почти четыре сотни миль. Я не поплыву на корабле, чтобы сойти с него больной от качки и промокшей до нитки. Я смогу путешествовать в Лондон в любое время, когда моя душа пожелает, а принцесса Екатерина больше никогда не увидит родительского дома. Говорят, что она разрыдалась, когда познакомилась с моим братом. По-моему, она повела себя возмутительно смешно и по-детски, как моя Мария.

— А я буду танцевать на свадьбе?

— Вы с Гарри будете танцевать вместе, — велит моя царственная бабушка. — После того как испанская принцесса и ее фрейлины продемонстрируют нам свои танцы, ты покажешь ей, на что способна английская принцесса, — хитро улыбнулась она. — И мы посмотрим, кто окажется лучшей.

Я возношу тихую молитву, чтобы лучшей оказалась я, а вслух произношу лишь:

— Басданс?¹ — это медленный танец для взрослых, который получается у меня очень хорошо, потому что больше похож на ходьбу, чем на танец.

— Нет, гальярд².

Я не возражаю. Никто не смеет возражать бабушке, потому что именно она решает, что будет происходить в каждом из королевских домов, в каждом дворце и замке, а моя мать, королева, просто со всем соглашается.

— Мне придется порепетировать, — говорю я.

¹ Б а с д а н с (*франц.* basse danse, буквально — «низкий танец») — старинный танец, распространенный главным образом во Франции, Италии и Нидерландах на рубеже XV–XVI вв. Происхождение слова связывают обычно с характером движений придворного басданса, который танцевали плавно, размеренно, часто с низкими приседаниями.

² Г а л ь я р д (*итал.* gagliarda, *фр.* gaillarde — буквально «веселая», «бодрая») — старинный танец итальянского происхождения, распространенный в Европе в конце XV–XVII вв.

Мне удастся уговорить Гарри на репетиции, если я скажу ему, что на нас будут все смотреть. Он обожает находиться в центре внимания и всегда стремится выигрывать скачки, побеждать на поединках и показывать рискованные трюки на пони. Он уже одного роста со мной, хотя ему всего десять лет, поэтому, если он не будет дурачиться, мы будем хорошо смотреться вместе. Мне очень хочется показать испанской принцессе, что я ничем не хуже ее, дочери Кастильской и Арагонской. Мои отец и мать происходят из родов Плантагенет и Тюдор, и эти имена блещут заслуженной славой. Ни к чему давать Екатерине повод думать, что мы благодарны ей за приезд. Лично мне и вовсе не радостно от появления еще одной принцессы при дворе. Это моя мать настояла на том, чтобы Екатерина навестила нас в замке Бейнардс еще до свадьбы. С ней прибывает вся свита, сопровождавшая ее из самой Испании, и мы принимаем их всех, что довольно расточительно, по словам моего отца. Они войдут в главные ворота как вражеская армия, одежда, речь и манеры которой во всем отличаются от привычных нам. А в центре их процессии стоит самая нарядная девушка, которую они все называют инфантой. И это тоже видится мне смешным, потому что она — принцесса и ей уже пятнадцать лет, а они, как мне кажется, называют ее малышкой. Я украдкой бросаю взгляд на Гарри, чтобы понять, скорчит ли он рожицу и станет ли, дразнясь, произносить «малышка», потому что именно так мы между собой шутим над Марией, но он даже не смотрит на меня. Он во все глаза смотрит на принцессу, словно видит перед собой нового коня, или прекрасный образчик итальянского оружейного искусства, или что-то другое, что полностью захватило его внимание. Я замечаю изменившееся выражение его лица и понимаю, что он пытается влюбиться в нее, словно рыцарь в прекрасную даму в балладах. Гарри обожает баллады, особенно про недосягаемых дам, томящихся в башнях, прикованных к скалам или заблудившихся в дремучих лесах, страдающих в пути из родного дома в Лондон. Екатерина произвела на него неизгладимое впечатление. То ли дело было в ее укрытом кружевами паланкине, то ли в ее образованности, потому что она говорила на трех языках, но в тот момент я ужасно сердилась и жалела, что не стою прямо возле него и не могу его хорошенько ущипнуть. Именно поэтому детей младше меня не допускали на официальные встречи и празднования.

Ее нельзя назвать безоговорочно красивой. Она старше меня на три года, но мы с ней одного роста. Ее волосы отливают медью и лишь немного темнее моих, и это тоже я нахожу неприятным: кому же захочется быть предметом сравнения с красивой женой брата? Однако мне не удастся как следует рассмотреть волосы, потому что у принцессы на голове красуется высокое украшение и плотная вуаль. Она, как и я, оказывается обладательницей голубых глаз, но более светлых бровей и ресниц. Ей явно не разрешают их подкрашивать, как могу это делать я. У нее чистая бледная кожа, и даже я соглашаюсь с тем, что она достойна восхищения. Принцесса очень изящно сложена: ее и без того тонкая талия стянута корсетом так, что она, наверное, едва дышит, а на крохотных ножках красуются самые нелепые туфли, которые я когда-либо видела: шитые золотом носочки и золотые ленты. Не думаю, что бабушка когда-нибудь позволит мне носить золотые ленты, потому что подобное выставление богатства напоказ не что иное, как суета и тщеславие. Теперь я уверена в том, что Испания — очень тщеславная страна, значит, и принцесса тоже.

Старательно слежу за тем, чтобы мои мысли не отражались на лице, пока я внимательно рассматриваю ее. По-моему, ей крупно повезло, что она сюда попала, что именно на нее пал выбор моего отца, когда он искал жену для моего старшего брата Артура, что ей досталась такая невестка, как я, такая свекровь, как моя мать, и, самое главное, — такая бабушка, как леди Маргарет Бофорт, которая позаботится о том, чтобы Екатерина не забывала свое место, предназначенное для нее Всевышним.

Инфанта опускается в реверанс и целует мою мать, затем бабушку. Она следует давней традиции, но вскоре поймет, что в первую очередь она должна стараться угодить именно бабушке, а не кому-либо другому. Затем мать кивает мне, и я делаю шаг вперед, мы с принцессой одновременно опускаемся в поклонах и обмениваемся поцелуями в обе щеки. Ее кожа оказывается теплой, и я вижу, что она вспыхивает румянцем, а ее глаза наполняются слезами, словно она тоскует по собственным сестрам. Я награждаю ее строгим взглядом, таким, каким отец смотрит на тех, кто просит у него взаймы. Я не позволю своему сердцу проникнуться к ней симпатией из-за миленьких глаз и приятных манер. Пусть она не думает, что, появившись при английском дворе, заставит всех нас выглядеть толстыми и глупыми.

Ее нисколько не смутил мой холодный прием, и она спокойно отвечает на мой взгляд. Она родилась и выросла при дворе, вместе с тремя сестрами, и прекрасно знает о том, что такое дух соперничества. Что еще хуже, она смотрит на меня так, словно находит мой строгий вид не просто не отрезвляющим, а даже комичным. И тогда я понимаю, что передо мной не девочка, как одна из моих фрейлин, которая обязана мне угождать, и не Мария, которая должна слушаться каждого моего слова. Эта молодая женщина — равная мне, которая будет взвешивать все, что касается меня, и даже может мне перечить.

— Добро пожаловать в Англию, — говорю я по-французски.

— Я рада приветствовать свою сестру, — отвечает она по-английски.

Мать решает проявить доброту и расположение к своей первой невестке. Они начинают говорить на латыни, а поскольку я не понимаю их беседы, то просто сижу рядом и рассматриваю золотые ленты на туфлях инфанты.

Мать велит начинать играть музыку, и мы с Гарри запеваем английскую песню. Наши голоса звучат очень мелодично, и придворные подхватывают припев. Песня такая длинная, что постепенно начинают раздаваться смешки и придворные сбиваются с ритма. Екатерина не смеется. Она вообще выглядит так, словно никогда не дурачится и не веселится, как Гарри и я. Она сдержанная и официальная, что понятно, раз уж она родом из Испании. Я обращаю внимание на то, как она сидит: неподвижно, сложив руки на коленях, словно позирует для портрета, и мне приходит в голову, что такое поведение весьма подобает королеве. Кажется, мне стоит научиться сидеть так же.

Няньки приводят Марию, чтобы она тоже могла поклониться будущей родственнице, и Екатерина делает нечто немислимое и возмутительно смешное: она опускается перед малышкой на колени, чтобы их лица оказались на одном уровне и она смогла расслышать тихий детский голосок.

Разумеется, Мария не понимает ни слова ни по-испански, ни на латыни. Но она просто обвивает шею Екатерины руками, целует ее и называет сестричкой.

— Это я твоя сестра, — поправляю я ее, дергая ее пухлую ручонку. — А эта леди — твоя невестка. Ты можешь сказать «невестка»?